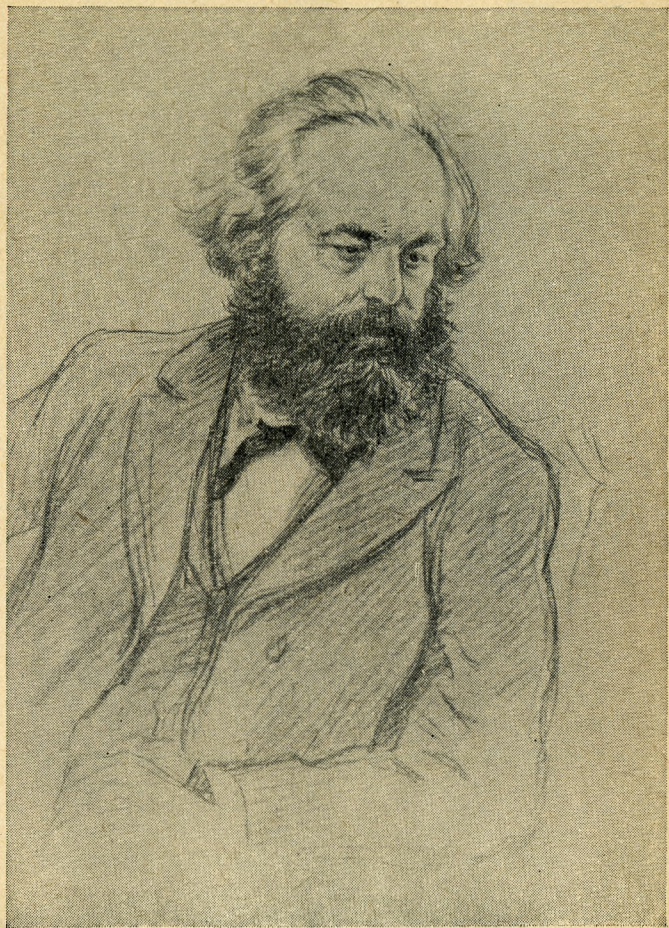

Они встретились
с
МАРКСОМ

ГОСПОЛИТИЗДАТ-1958

Они Встречались
с
МАРКСОМ

**Воспоминания
РУССКИХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
ДЕЯТЕЛЕЙ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва . 1958

О Т И З Д А Т Е Л Ъ С Т В А

В настоящий сборник входят воспоминания русских общественных деятелей: Г. А. Лопатина, Н. А. Морозова, М. М. Ковалевского и П. В. Анненкова.

Г. А. Лопатин — русский революционер-социалист, ученик Н. Г. Чернышевского, был близким другом Маркса и его семьи. *Н. А. Морозов* — активный деятель революционного движения в России, народник, познакомился с Марксом в 1880 г. в Лондоне, с которым имел беседу по делам «Народной воли». *П. В. Анненков* — известный либеральный писатель-западник, будучи в Брюсселе, случайно присутствовал на заседании, где произошел разрыв Маркса с Вейтлингом. После этого встречался с Марксом еще несколько раз. *М. М. Ковалевский* — русский ученый-историк либерально-буржуазного направления, находился с Марксом в дружеских отношениях, много раз с ним встречался и вел переписку.

Воспоминания в сборнике располагаются в хронологическом порядке.

П. АННЕНКОВ

•

ИЗ ОЧЕРКА
«ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ»

По дороге в Европу я получил рекомендательное письмо к Марксу от нашего степного помещика¹. Он находился, как оказалось, в самых дружеских отношениях с будущим главой интернационального общества; он уверил Маркса, что, предавшись душой и телом его лучезарной проповеди и делу водворения экономического порядка в Европе, он едет обратно в Россию с намерением продать все свое имение и бросить себя и весь свой капитал в жерло предстоящей революции². Далее этого увлечение идти не могло, но я убежден, что когда лихой помещик давал все эти обещания, он был в ту минуту искренен. Возвратившись же на родину, сперва в свои имения, а затем в Москву, он забыл и думать о горячих словах, прозвеневших некогда так эффектно перед изумленным Марксом, и умер не так давно престарелым, но все еще пылким холостяком в Москве.

...Я воспользовался, однако же, письмом моего пылкого помещика, который, отдавая мне его, находился еще в энтузиастическом настроении, и был принят Марксом в Брюс-

¹ — казанского помещика Григория Михайловича Толстого. *Ред.*

² К этой фразе Маркс на своем экземпляре воспоминаний Анненкова сделал следующее замечание на французском языке: «Это ложь! Оп ничего подобного не говорил. Он, напротив, сказал мне, что вернется к себе для наибольшего блага своих собственных крестьян! Он даже имел наивность пригласить меня поехать с ним!» *Ред.*

селе очень дружелюбно... Сам Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения,— тип, крайне замечательный и по внешности. С густой черной шапкой волос на голове, с волосистыми руками, в пальто, застегнутом наискось, он имел, однако же, вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы ни являлся перед вами и что бы ни делал. Все его движения были угловаты, но смелы и самонадеянны, все приемы шли наперекор с принятыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презрительны, а резкий голос, звучащий, как металл, шел удивительно к радикальным приговорам над лицами и предметами, которые произносил... Контраст с недавно покинутыми мною типами на Руси был наирешительный.

С первого же свидания Маркс пригласил меня на совещание, которое должно было состояться у него на другой день вечером с портным Вейтлингом, оставившим за собой в Германии довольно большую партию работников. Совещание назначалось для того, чтобы определить, по возможности, общий образ действий между руководителями рабочего движения. Я не замедлил явиться на приглашение.

Портной-агитатор Вейтлинг оказался белокурым, красивым молодым человеком, в сюртучке щеголеватого покроя, с бородкой, кокетливо подстриженной, и скорее походил на путешественного комми, чем на сурового и озлобленного труженика, какого я предполагал в нем встретить. Отрекомендовавшись наскоро друг другу и притом с оттенком изысканной учтивости со стороны Вейтлинга, мы сели за небольшой зеленый столик, на одном узком конце которого поместился Маркс, взяв карандаш в руки и склонив свою львиную голову на лист бумаги, между тем как неразлучный его спутник и сотоварищ по пропаганде высокий, прямой, по-английски важный и серьезный Энгельс открывал заседание речью. Он говорил в ней о необходимости между людьми, посвятившими себя делу преобразования труда, объяснить взаимные свои воззрения и установить одну общую доктрину, которая могла бы служить знаменем для

всех последователей, не имеющих времени или возможности заниматься теоретическими вопросами. Энгельс еще не кончил речи, когда Маркс, подняв голову, обратился прямо к Вейтлингу с вопросом: «Скажите же нам, Вейтлинг, вы, которые так много наделали шума в Германии своими проповедями, какими основаниями оправдываете вы свою деятельность и на чем думаете утвердить ее в будущем?» Я очень хорошо помню самую форму резкого вопроса, потому что с него начались горячие прения в кружке, продолжавшиеся, впрочем, как сейчас окажется, очень недолго. Вейтлинг, видимо, хотел удержать совещание на общих местах либерального разглагольствования. С каким-то серьезным, озабоченным выражением на лице он стал объяснять, что целью его было не созидать новые экономические теории, а принять те, которые всего способнее, как показал опыт во Франции, открыть рабочим глаза на ужас их положения, на все несправедливости, которые по отношению к ним сделались лозунгом правителей и обществ, научить их не верить уже никаким обещаниям со стороны последних и надеяться только на себя, устраиваясь в демократические и коммунистические общины. Он говорил долго, но, к удивлению моему и в противоположность речи Энгельса, сбивчиво, не совсем литературно, возвращаясь к своим словам, часто поправляя их и с трудом приходя к выводам, которые у него или запаздывали, или появлялись ранее положений. Он имел теперь совсем других слушателей, чем те, которые обыкновенно окружали его станок или читали его газету и печатные памфлеты на современные экономические порядки, и потерял при этом свободу мысли и языка. Вейтлинг, вероятно, говорил бы и еще долее, если бы Маркс, с гневно стиснутыми бровями, не прервал его и не начал своего возражения. Сущность саркастической его речи заключалась в том, что возбуждать население, не давая ему никаких твердых, продуманных оснований для деятельности, значило просто обманывать его. Возбуждение фантастических надежд, о котором говорилось сейчас, замечал далек Маркс, ведет только к конечной гибели, а не к спасению

страдающих. Особенно в Германии обращаться к работнику без строго научной идеи и положительного учения равносильно пустой и бесчестной игре в проповедники, при которой, с одной стороны, полагается вдохновенный пророк, а с другой — допускаются только ослы, слушающие его, разинув рот... Люди без положительной доктрины ничего не могут сделать, да и ничего не сделали до сих пор, кроме шума, вредных вспышек и гибели самого дела, за которое принялись. Краска выступила на бледных щеках Вейтлинга, и он обрел живую, свободную речь. Дрожащим от волнения голосом стал он доказывать, что человек, собравший под одно знамя сотни людей во имя идеи справедливости, солидарности и братской помощи друг другу, не может назваться совсем пустым и праздным человеком, что он, Вейтлинг, утешается от сегодняшних нападков воспоминанием о тех сотнях писем и заявлений благодарности, которые получил со всех сторон своего отечества, и что, может быть, скромная подготовительная его работа важнее для общего дела, чем критика и кабинетные анализы доктрин, вдали от страдающего света и бедствий народа. При последних словах взбешенный окончательно Маркс ударил кулаком по столу так сильно, что зазвенела и зашаталась лампа на столе, и вскочил с места, проговорив: «Никогда еще невежество никому не помогло!» Мы последовали его примеру и тоже вышли из-за стола. Заседание кончилось, и, покуда Маркс ходил взад и вперед в необычайно гневном раздражении по комнате, я наскоро распрощался с ним и с его собеседниками и ушел домой, пораженный всем мною виденным и слышанным.

...Сношения мои с Марксом не прекратились и после выезда моего из Брюсселя. Я встретил его еще вместе с Энгельсом в 1848 году в Париже, куда они оба приехали тотчас после февральской революции...

Но и до этой эпохи были минуты заочной беседы с Марксом, весьма любопытные для меня. Одна такая выпала на мою долю в 1846 году, когда по поводу известной книги Прудона «Философия нищеты» Маркс написал мне по-

французски пространное письмо, где излагал свой взгляд на теорию Прудона¹. Письмо это крайне замечательно: оно опередило время, в которое было писано, двумя своими чертами — критикой положений Прудона, предугадавшей целиком все возражения, какие были предъявлены на них впоследствии, а потом новостью взгляда на значение экономической истории народов. Маркс один из первых сказал, что государственные формы, а также и вся общественная жизнь народов с их моралью, философией, искусством и наукой суть только прямые результаты экономических отношений между людьми, и с переменой этих отношений сами меняются или даже вовсе упраздняются. Все дело состоит в том, чтобы узнать и определить законы, которые вызывают перемены в экономических отношениях людей, имеющие такие громадные последствия. В антиномиях² же Прудона, в его противопоставлении одних экономических явлений другим, произвольно сведенным друг с другом и, по свидетельству истории, нисколько не вытекавшим одно из другого, Маркс усматривал только тенденцию автора облегчить совесть буржуазии, возводя неприятные ей факты современных экономических порядков в безобидные абстракции в духе Гегеля и в законы, будто бы присущие самой природе вещей. На этом основании он и обзывает Прудона теологом социализма и мелким буржуа с головы до ног.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 22—33. *Ред.*

² *Антиномия* — противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, признаваемыми в равной степени истинными. *Ред.*

Г. ЛОПАТИН

*

ИЗ ПИСЬМА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВУ

15 февраля 1873 г.

Большую часть своего пребывания за границей я провел частью в Париже, частью в Лондоне, где продолжал жить тем же самым, как и в России, т. е. литературной поделщиной, употребляя часы досуга на изучение рабочего движения и других интересных явлений иностранной общественной жизни.

Во время пребывания моего в Лондоне я сошелся там с неким Карлом Марксом, одним из замечательнейших писателей по части политической экономии и одним из наиболее разносторонне образованных людей в целой Европе. Лет пять тому назад этот человек вздумал выучиться русскому языку; а выучившись русскому языку, он случайно натолкнулся на примечания Чернышевского к известному трактату Милля¹ и на некоторые другие статьи того же автора. Прочитав эти статьи, Маркс почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому. Он не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из

¹ Имеется в виду книга Н. Г. Чернышевского «Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии Дж. Ст. Милля», Т. III, Женева, 1869. *Ред.*

современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения; что русские должны стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем; что политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы, и т. д. и т. д. Хотя я и прежде относился с большим уважением к трудам Чернышевского по политической экономии, но моя эрудиция по этому предмету была недостаточно обширна, чтобы отличить в его творениях мысли, принадлежащие лично ему, от идей, позаимствованных им у других авторов. Понятно, что такой отзыв со стороны столь компетентного судьи мог только увеличить мое уважение к этому писателю. Когда же я сопоставил этот отзыв о Чернышевском как писателе с теми отзывами о высоком благородстве и самоотверженности его личного характера, которые мне случалось слышать прежде от людей, которые близко знали этого человека и которые никогда не могли говорить о нем без глубокого душевного волнения, то у меня явилось жгучее желание попытаться воздать миру этого великого публициста и гражданина, которым, по словам того же Маркса, должна бы гордиться Россия. Мне казалась нестерпимой мысль, что один из лучших граждан России, один из замечательнейших мыслителей своего времени, человек, по справедливости принадлежащий к Пантсону русской славы, влачит бесплодное, жалкое и мучительное существование, похороненный в какой-то сибирской трущобе. Клянусь, что тогда, как и теперь, я бы охотно и не медля ни минуты поменялся с ним местами, если бы только это было возможно и если бы я мог воздать этой жертвой делу отечественного прогресса одного из его влиятельнейших деятелей; я бы сделал это, не колеблясь ни минуты и с такой же радостной готовностью, с какой рядовой солдат бросается вперед, чтобы заслонить собственной грудью любимого генерала. Но это был неосуществимый романтический бред. А между тем в ту пору мне казалось, что есть другой, более практичный и удобоисполнимый спо-

соб помочь этому человеку¹. Судя по моему собственному опыту в подобных обстоятельствах, а также и по некоторым другим известным мне случаям, я полагал тогда, что в этом предприятии не было ничего существенно невозможного; требовалась только некоторая доза смелой предприимчивости да немножко денег. Вследствие этого я вскоре письменно обратился за содействием к двум из моих личных петербургских друзей, которые и предложили мне взять у них нужную мне сумму, обязавшись принять ее от меня обратно в случае удачи и совершенно забыть о ней в случае неудачи. Когда же я проезжал через Петербург, то еще трое из моих тамошних приятелей дополнили немного эту сумму, простиравшуюся в целом до 1085 рублей.

Уезжая из Лондона, я даже не сказал, куда я еду, никому, кроме этих пяти человек, с которыми я списался ранее и от которых я взял деньги, да еще Элпидину в Женеве, которому мое намерение было известно ранее, вследствие некоторых случайных обстоятельств, о которых не стоит распространяться. Я не сказал о своей затее даже Марксу, несмотря на всю мою близость с ним и на всю мою любовь и уважение к этому человеку, так как я был уверен, что он сочтет ее сумасшествием и будет отговаривать меня от нее, а я не люблю отступать от раз задуманного мной дела.

Не будучи знаком ни с родственниками, ни со старыми друзьями Чернышевского по «Современнику», я не знал даже, где он именно находится. Не имея никаких знакомых в Сибири, ни даже рекомендательных писем, я вынужден был прожить в Иркутске почти целый месяц прежде чем узнал, что мне было нужно. Это долговременное проживание в Иркутске, в связи с некоторыми другими моими промахами, а также и с некоторыми не зависевшими от меня обстоятельствами, обратили на меня внимание местной администрации. Еще более содействовала моей неудаче, если

¹ Лопатин намеревался организовать побег Н. Г. Чернышевского из ссылки. *Ред.*

я не ошибаюсь, нескромность Эллидина, который пропался о моем отъезде сюда одному из правительственных сыщиков, проживавшему в Женеве. Как бы то ни было, но я был арестован и очутился в тюрьме в четвертый раз. Видя, что предприятие мое сорвалось, что мне лично угрожает не особенно приятная перспектива, а также замечая, что суд затягивается в долгий ящик, в ожидании от меня известных признаний, которых я не считал себя в праве сделать, я решился бежать, но потерпел фиаско и должен был познакомиться с иркутским острогом¹.

¹ Первый раз Лопатин бежал из иркутской тюрьмы 3 июня 1871 г., но был тотчас же задержан и только при вторичной попытке, 10 июля 1873 г., ему удалось совершить побег. В августе 1873 г. Лопатин был уже в Париже. *Ред.*

М. КОВАЛЕВСКИЙ

*

ВСТРЕЧИ С МАРКСОМ

Высланный из Парижа министерством Гизо, Маркс, прожив несколько времени в Брюсселе, возвратился в Германию после мартовских событий 1848 года, издавал около года «Новую рейнскую газету», два раза был предан суду, но оправдан и, наконец, вынужден был покинуть Германию.

Попытка устроиться в Париже не увенчалась успехом, и Маркс избрал Лондон своим постоянным местопребыванием...

После поражения революции 1848 года Маркс постепенно приходит к заключению, что революционный подъем временно исчерпал свои силы. В рецензии на книгу Шеню о заговорщиках¹ он очень определенно высказывает свое отрицательное отношение к тем, кто считает возможным ускорить ход событий путем заговоров. Таких людей он называет алхимиками революции. Они изошряются в изобретениях, призванных, в их глазах, совершить чудеса, и не желают считаться с теми предпосылками, без которых никакое движение не может найти почвы...

Поселившись в Лондоне, Маркс принужден был обеспечить себе средства к жизни сотрудничеством в американских газетах. В декабре его жена пишет своим знакомым, что

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, стр. 293—305. Ред.

днем Карл работает ради насущного хлеба, отправляя корреспонденции в нью-йоркскую «Tribune». По ночам же он сидит за книгами, чтобы закончить свою «Политическую экономию», то есть готовит первый том «Капитала». Г-жа Маркс высказывает надежду, что найдется же какой-либо издатель для этой книги. Пятью годами ранее Маркс не разделял этой надежды. В 1852 году в одном из его писем мы читаем, что в Германии теперь ни одно книгоиздательство не решится печатать написанное им. Остается только издавать на свой счет, что для него, при его тогдашних обстоятельствах, было невозможно. Хотя, по-видимому, и в 1857 году не было уверенности, что издатель найдется, Маркс тем не менее посвящал большую часть своего времени и подготовительным работам в Британском музее, и редакции первого тома, так как был уверен в том, что послужит интересам рабочей партии всего более построением того, что он называл «научным социализмом». В одном из его писем к Кугельману мы читаем, что популярными научные попытки революционизирования науки никогда быть не могут. Но как только научные основы положены, популяризация их — дело легкое...

В 1873 году Маркс и Энгельс напечатали чрезвычайно резкий обвинительный акт против той организации анархической молодежи романских стран (Альянс социалистической демократии), во главе которой стоял Бакунин, исключенный со своими сторонниками из Интернационала¹...

Маркс не оставлял без возражения выпадов, делаемых на него и из лагеря социалистов такими, например, писателями, как Дюринг. Известная брошюра Энгельса «О мнимом перевороте, произведенном в науке» берлинским приват-доцентом², была, несомненно, внушена Марксом и отразила на себе его взгляды.

¹ Речь идет о работе «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 537—649). *Ред.*

² Имеется в виду книга Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». *Ред.*

Мне пришлось познакомиться с автором «Капитала» в самый разгар этой полемики с бакунистами и Дюрингом. При первом же знакомстве Маркс подарил мне обе брошюры. Из моих рук они перешли к профессору Зиберу и использованы им были в ряде статей частью в «Юридическом вестнике» и издававшемся мной впоследствии в Москве «Критическом обозрении», частью в «Отечественных записках».

Моим знакомством с Марксом я обязан был человеку, спасшему жизнь его зятю Лонге, члену Парижской Коммуны. Рекомендовавший меня был одним из двух авторов дневника, веденного во все продолжение восстания и озаглавленного «Революция 18 марта»¹...

Первые наши разговоры касались по преимуществу Бакунина, которого Маркс сам ввел в круги международной эмиграции Лондона и который одно время собирался быть переводчиком первого тома «Капитала» на русский язык. Эта задача, как известно, была выполнена впоследствии Николаем — оном², при участии Германа Лопатина.

В Лондоне в первую зиму мне пришлось быть у Маркса всего несколько раз. Он жил неподалеку от Риджентс-парка или, точнее, его продолжения, известного под названием Мейтленд-парк, в полукруглом сквере. Я помню еще номер его жилища — 41. Маркс занимал весь дом. В первом этаже помещалась его библиотека и гостиная. Здесь обыкновенно он принимал своих знакомых. В это время две его старшие дочери были уже замужем. Одна вышла за члена Парижской Коммуны Лонге, другая — за известного теперь писателя Поля Лафарга; младшая, Элеонора, которую дома звали Тусси, увлекалась в это время театром, игрою Ирвинга в шекспировских пьесах и одно время думала посвятить себя сцене.

¹ Имеется в виду Поль Корье, один из авторов дневника, изданного в Париже в 1871 г. под названием «Histoire de la révolution du 18 Mars» («История революции 18 Марта»). *Ред.*

² — псевдоним русского экономиста, народника Н. Ф. Дашельсона. *Ред.*

Я особенно сблизился с Марксом летом на водах в Карлсбаде. Мы почти ежедневно делали совместные прогулки по горам и настолько сошлись, что в письмах того времени, недавно обнародованных в журнале «Былое»¹, он относит меня к числу своих «научных друзей».

Маркс работал в это время над вторым томом своего труда, намеревался отвести в нем значительное место порядку накопления капиталов в двух сравнительно новых странах — Америке и России, получал поэтому немало книг из Нью-Йорка и Москвы. Его можно было считать полиглотом. Он не только свободно говорил по-немецки, по-английски, по-французски, но мог читать на русском, итальянском, испанском и румынском языках. Читал он массу и нередко брал у меня книги, в том числе двухтомный трактат по истории земельной собственности в Испании и известное сочинение Моргана «Древнее общество», привезенное мисю из моего первого путешествия в Америку. Оно доставило материал для наделавшей шуму брошюры Энгельса «О происхождении семьи».

Знать Маркса — значило быть также приглашаемым на воскресные вечера у Энгельса...

Сам Маркс допускал к себе посторонних людей с разбором. Многие из известных европейских писателей, в том числе Лавеле, тщетно выражали ему желание вступить с ним в личное знакомство. Он сторонился от них, жалуясь на нескромность газетных и журнальных интервьюеров, раз они являлись его идейными противниками.

Из англичан он был в хороших, но все же далеких отношениях с некоторыми членами кружка позитивистов, в особенности с профессором Бизли, принимавшим в то время участие в издании демократической газеты «Beehive» («Пчелиный улей»). Я встречал у Маркса также не раз известного английского социалиста Гайндмана, в то время

¹ Речь идет о письме Маркса к Даниельсону, опубликованном в журнале «Минувшие годы» № 1, 1908 г., который выходил вместо закрытого в октябре 1907 г. журнала «Былое». *Ред.*

еще бывшего в лагере тори и весьма сочувственно относившегося к Дизраэли.

Нельзя сказать, чтобы Маркс в это время хорошо был известен в английских литературных кругах. Его «Капитал» не был еще переведен на английский язык, и успех его ограничивался пока двумя странами — Германией и Россией. Появление первой части «Капитала» подало повод теперешнему профессору Петербургского университета Иллариону Игнатьевичу Кауфману написать весьма ученый и в общем сочувственный этюд в «Вестнике Европы»¹. Впоследствии о «Капитале» Маркса писал немало и русский экономист Зибер, автор сочинения «Давид Рикардо и Карл Маркс». Но из всего написанного о «Капитале» в России Маркс всего более ценил статью Кауфмана.

Русская экономическая и историческая литература интересовала его. В его сочинениях встречаются ссылки на «Железнодорожное хозяйство» А. И. Чупрова. Одно из его писем ко мне посвящено оценке книги Кареева «Крестьянский вопрос во Франции XVIII в.», а после кончины Маркса Энгельс показывал мне обширную тетрадь выписок из моей книги «Об общинном землевладении».

Маркс, долго работавший в библиотеке Британского музея и до некоторой степени надорвавший этой работой свое здоровье, привык к чтению официальных отчетов, подобных английским Синим книгам, и поэтому не прочь был получать из России казенные издания, касавшиеся железнодорожного хозяйства, хода кредитных операций и т. д. Николай — он и я посылали ему, что могли, а его жена, очень озабоченная скорейшим окончанием всего сочинения, шутя грозила мне, что перестанет давать мне баранью котлетку (chor), если я своими присылками буду мешать ее мужу поставить давно ожидаемую точку. Маркс несколько раз переделывал второй и третий тома «Капитала». Он собирался закончить все сочинение «критической историей эконо-

¹ Имеется в виду статья И. Кауфмана «Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса», опубликованная в журнале «Вестник Европы» № 5, май 1872 года. *Ред.*

номических доктрин»¹, но эта часть его намерений так и осталась невыполненной.

Будничные дни Маркса уходили на работу. Он отводил сравнительно небольшое число часов на корреспонденции в нью-йоркскую газету «Tribune». Остальное время он сидел дома за пересмотром и исправлением уже написанных частей своего сочинения.

Его библиотека, помещавшаяся в комнате в три окна, была составлена исключительно из рабочих книг, которые нередко в большом беспорядке разбросаны были на письменном столе и креслах. Иногда мне приходилось заставлять его за работой. Маркс до такой степени был погружен в нее, что ему не сразу удавалось перейти на разговор о чем-то другом от предмета, непосредственно овладевшего его вниманием.

В воскресенье он любил гулять в парке с семьей, но и во время этих прогулок темой для разговоров служили нередко вопросы, весьма отдаленные от действительности.

Это не значит, однако, чтобы он не увлекался политикой. По целым часам он сидел за чтением газет, и не только английских, но всего мира. Я однажды застал его за чтением газеты «Românul» («Румын») и имел возможность убедиться в том, что он вполне свободно справляется с мало кому доступным румынским языком.

За все время моего знакомства с ним он только однажды отлучился из Лондона и уехал на несколько недель в Карлсбад. Его пропустили через Германию только под условием не оставаться в ней более нужного для проезда числа дней. Въезд в Париж оставался для Маркса запретным со времени министерства Гизо. Тьер и Мак-Магон едва ли охотно открыли бы ему доступ во Францию после выхода в свет его «Гражданской войны» — попытки защитить Коммуну, только что подавленную в крови версальским правительством.

¹ Речь идет о работе Маркса «Теории прибавочной стоимости», дошедшей до нас в виде черновой рукописи. См. *К. Маркс*, «Теории прибавочной стоимости» (IV том «Капитала»), часть I, 1954. *Ред.*

Что всего более поражало в Марксе — это его страстное отношение ко всем вопросам политики...

Из писем Николая — она и из статей Кауфмана и Зиберера Маркс мог убедиться, что молодые экономисты в России с увлечением относятся к его взглядам и готовы следовать ему в критике господствующей экономической доктрины. Отрадное впечатление, получаемое им из России, должно было еще усилиться от сопоставления с тем систематическим игнорированием его работы, в каком повинны были до последнего времени английские экономисты. В моем присутствии Гайндман сообщил Марксу следующий факт. Вслед за популярной лекцией известного английского экономиста Леви о «гармонии интересов» назначено было собеседование, на нем Гайндман решился высказать сомнения, чтобы интересы всех классов общества были согласованы между собой, находились в гармонии. В подтверждение своего скептицизма он сослался на «Капитал» Маркса. «Я не знаю такого сочинения», — последовал ответ Леви... «Капитал» Маркса переведен был на английский язык только после смерти автора и лишь в слабой степени проник в среду английских экономистов...

В те годы, когда я посещал воскресные собрания в доме Маркса в Мейтленд-парке или встречался с Марксом у Энгельса, автор «Капитала» всецело уходил в научную работу, задачи которой Маркс понимал весьма широко. Ему сплошь и рядом приходилось посвящать недели и месяцы чтению сочинений по экономической истории, в частности по истории землевладения, которые имели лишь косвенное отношение к его главной теме. Он возобновил также занятия математикой, дифференциальными и интегральными вычислениями для того, чтобы сознательно отнестись к только что возникавшему тогда математическому направлению в политической экономии, во главе которого мы находим ныне таких ученых, как Эджворс и каким во времена Маркса являлся уже Джевонс.

Начитанность автора «Капитала» в экономической литературе, в частности в английской, была громадна, но ее

нельзя сравнить с той «Belesenheit», какой «блещут» немецкие профессора и в числе их Рошер, эта «bête noire»¹ автора «Капитала», не раз снабжавшего свое сочинение примечаниями вроде следующего: «Г-н Рошер поспешил поддержать своим авторитетом приведенную банальность». В своих отдаленных предшественниках Маркс умел найти жизненные, допускающие дальнейшее развитие начала. Если за последнее время экономисты заинтересовались «Политической арифметикой» и другими сочинениями Уильяма Петти, современника Карла II Стюарта, если мы получили не только новое собрание его сочинений, но и ряд мемуаров о Петти, и притом почти на всех языках образованного мира, то этим мы в значительной степени обязаны Марксу.

Знакомство с историей экономических учений позволяло автору «Капитала» сразу определять степень оригинальности писателей, умевших привлечь к себе общественное внимание бьющей в глаза формой своих произведений. Говоря это, я имею в частности в виду Джорджа, увлечение которым одно время приняло в Англии размеры, довольно близкие к тем, в каких оказалось в XVIII веке увлечение личностью и доктринами Руссо. Маркс едва ли не первый заметил, что в учении автора «Прогресса и бедности» повторяются воззрения физиократов на земледелие, как на единственный источник чистого дохода, и на единый земельный налог, как долженствующий поглотить в пользу государства большую часть ренты. В бумагах Маркса найдена была критическая статья, направленная против Джорджа и доказывающая односторонность и неприемлемость его выводов. Она появилась в печати уже после смерти Маркса²...

Маркс не был мрачным и высокомерным отрицателем буржуазной науки и буржуазной культуры. Вынесший из

¹ — буквально: «черный зверь», т. е. страшилище, предмет неприязни. *Ред.*

² Имеется в виду письмо Маркса к Зорге от 20 июня 1881 г., опубликованное в журнале «Die Neue Zeit» («Новое время»), т. 2, 1891—1892 гг. (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. XXVII, стр. 137—140). *Ред.*

тесного общения с Гейне веселость, связанную со способностью к остроумной сатире, человек жизнерадостный благодаря тому, что личные его условия сложились как нельзя более благоприятно, Маркс в большей степени, чем кто-либо из людей, с какими мне приходилось встречаться в моей жизни, не исключая даже Тургенева, имел право говорить о себе, как об однолюбце. В ранней молодости он встретился с девушкой из высшего круга и влюбился в нее, как можно только влюбляться в студенческие годы. Семья Вестфален была шотландского происхождения и в родстве с герцогами Аргайлскими. Это обстоятельство однажды едва не сыграло Марксу дурной шутки. В минуту безденежья в Париже он решился заложить в местном ломбарде фамильное серебро, полученное им в приданое за женой. На этом серебре нашли герб Аргайлей и задержали Маркса, как присвоившего себе чужое достояние. Я слышал этот рассказ от самого Маркса, который сопровождал его громким и добродушным смехом.

Женни Вестфален была в детстве товарищем по играм мальчика Карла. На четыре года она была старше его. Здоровая, веселая, красивая, «самая красивая из девушек Трира», как ее называли, она уже подростком сделалась царицей балов. Маркс не успел еще окончить гимназии, как влюбился в подругу своих детских игр. Уезжая в университет, он тайно обручился со своей невестой. Старик Вестфален, как рассказывал мне Маркс, принадлежал к числу людей, увлеченных доктриной Сен-Симона, и один из первых заговорил о ней с будущим автором «Капитала». Судьба разметала его детей в разные стороны: одного сделала членом прусского реакционного министерства, другого — борцом за свободу негров в междоусобной войне против южных штатов Америки...

В свое время Бруно Бауэр, имея в виду тогдашнюю невесту Маркса Женни, писал ему: «Она способна перенести с тобой все, что только может случиться». Эти слова были пророческими. Маркс, никогда не располагавший значительным достатком, нередко испытывал нужду, но Женни с фи-

лософским и в то же время веселым равнодушием относилась к этим превратностям судьбы, озабоченная только одним, чтобы ее «дорогой Карл» не уделял слишком много времени на приобретение средств к жизни.

Редко кто принимал так радушно в своей скромной обстановке, как жена Маркса, и редко кто умел более сохранить в своей простоте приемы поведения и внешний облик того, что французы называют «une grande dame»¹. Маркс и с седой бородой любил начинать новый год танцем со своей женой или с приятельницей Энгельса. Я сам однажды присутствовал при том, как он весьма ловко прошелся со своими дамами под музыку в торжественном марше...

Приходит мне на ум еще один семейный обед у Марксов. Они принимали прибывшую из Капской земли сестру Карла с двумя ее сыновьями. Сестра никак не могла примириться с тем, что ее брат — вождь социалистов, и настаивала передо мной на той мысли, что оба они принадлежат к уважаемой в Трире семье пользовавшегося всеобщим сочувствием адвоката. Маркс дурачился и заливался юношеским смехом... Не прочь был Маркс пойти со знакомыми в театр, послушать Сальвини в роли Гамлета или несравненно более ценимого им Ирвинга. Помню я также, как мы заседали с Марксом вместе в Aegyptian Hall, задетые оба за живое точным воспроизведением всех фокусов спиритов человеком, заявлявшим, что он был в их среде, повторяет то, чему научился, но не настолько прост, чтобы объяснить публике, как он это делает, так как в противном случае перестанут бывать на его представлениях.

Дея свои привязанности между семьями двух замужних дочерей и старым другом Энгельсом, платившим ему более чем взаимностью, Маркс посвящал им весь свой досуг. Круглый день он занят был серьезным, всецело захватившим его научным трудом, и все же находил время с жаром отзывать на все вопросы, так или иначе задевавшие интересы рабочей партии вообще и немецкой социал-

¹ — «знатной дамой». *Ред.*

демократии в частности. Из ее вожаков он более других ценил Бебеля, в меньшей степени — Либкнехта. Он не раз жаловался на то, что последний испорчен Лассалем, и прибавлял, шутя и сердясь: трудно ввести свежую мысль в голову немецкого приват-доцента (таким именно приват-доцентом, по словам Маркса, и был Либкнехт).

С какую страстностью Маркс относился и в пожилом возрасте ко всяким попыткам остановить успехи рабочей партии, об этом можно судить по следующему факту. Я случайно находился в его библиотеке в ту самую минуту, когда до Маркса дошло известие о неудавшемся покушении Нобилинга на престарелого императора Вильгельма. Маркс отозвался на это известие словами проклятия по адресу террориста и тут же объяснил, что от его преступной попытки ускорить ход событий можно ждать только одного — новых преследований социалистов. К сожалению, исполнение пророчества не заставило себя ждать: Бисмарком изданы были известные законы, значительно затормозившие успешное развитие немецкой социал-демократии.

Поступление мое профессором в Московский университет положило конец двухгодовому, почти еженедельному обмену мыслями с автором «Капитала». Мы первое время изредка продолжали писать друг другу. При посещении летом Лондона я возобновил мои визиты, обыкновенно по воскресеньям, вынося каждый раз из наших свиданий новый стимул к научным работам в области истории экономического и общественного развития европейского Запада. Очень вероятно, что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы и сосредоточил бы свое внимание в большей степени на ходе развития политических учреждений, тем более, что такие темы прямо отвечали преподаваемому мной предмету.

Маркс знакомился с моими работами и откровенно высказывал о них свое суждение. Если я приостановил печатание моего первого большого сочинения об административной юстиции во Франции и в частности о юрисдикции

налогов в ней, то отчасти под влиянием отрицательного отзыва, какой дан был мне о моем труде Марксом. Он более одобрительно относился к попытке раскрыть прошлое земельной общины или изложить ход развития семейных порядков с древнейших времен на основании данных сравнительной этнографии и сравнительной истории права.

Научная критика также весьма интересовала его, он был в числе внимательных читателей издаваемого мной одно время «Критического обозрения», быть может, единственным в Англии.

Годы, проведенные мной в Италии, Испании, а затем в Америке, — последние годы жизни Маркса. По возвращении в Европу я узнал о двойном его горе: о смерти жены и старшей дочери. Я слышал также, что по причине расстроенного здоровья Маркс принужден был провести целую зиму в Алжире. Еще в те годы, когда я почти еженедельно бывал у него, он жаловался на боль в груди. Но так как его телосложение не отвечало представлению о человеке, страдающем чахоткой, все его близкие объясняли эти жалобы его мнимой мнительностью. Оказалось, однако, что Маркс надорвал свое здоровье неумеренной работой в библиотеке Британского музея. Зима, проведенная им на юге, была ненастной. Маркс простудился и вернулся в Лондон еще более больным, чем прежде.

Энгельс рассказывал мне о последних днях его жизни... Маркс тщетно искал забвения в усиленной работе над окончанием своего «Капитала». Здоровье его все более и более ухудшалось. В промежутке между двумя смертями он принужден был уехать на юг. Вернувшись больной, он вскоре поражен был известием о кончине дочери. Этого нового удара он не в состоянии был вынести...

Мои воспоминания о Марксе относятся к эпохе, следовавшей уже за выходом его наиболее полного и законченного труда — первой части «Капитала». Маркс вступил уже в это время в седьмой десяток, но сохранял еще всю свою бодрость и жизнерадостность...

Маркс однажды сказал мне в упор, что логически можно мыслить только по диалектическому методу, ну а не логически,— хотя бы и по позитивному... Маркс был глубоко убежден в неоспоримости того приема мышления, какой был дан ему гегелевской философией в толковании ее радикальных последователей, в их числе знаменитого Фейербаха...

За два года моего довольно близкого общения с автором «Капитала» я не припомню ничего, хотя бы издали напоминающего третирование старшим младшего, какое я испытал в моих случайных встречах с Чичериным и с Львом Толстым. Карл Маркс в большей степени был европейцем и хотя, может быть, невысоко ценил своих «друзей только по науке» (scientific friends), предпочитая им товарищей по классовой борьбе пролетариата, но не проявлял этих личных пристрастий в своем поведении. На протяжении двадцати пяти лет я продолжаю сохранять о нем благодарную память, как о дорогом учителе, общение с которым определило до некоторой степени направление моей научной деятельности. С этим представлением связано и другое, а именно то, что в его лице я имел счастье встретиться с одним из тех умственных и нравственных вождей человечества, которые по праву могут считаться великими, так как в свое время являются самыми крупными выразителями прогрессивных течений общественности.

И. МОРОЗОВ

*

У КАРЛА МАРКСА

В декабре 1880 года я поехал в Лондон и вместе с моим товарищем по «Народной воле» Львом Гартманом, который часто бывал у Маркса, отправился к нему по лондонскому метрополитену, ходившему тогда еще на локомотивах. Маркс оставался в те дни дома только со своей дочерью Элеонорой.

— Mister Marx in? (Дома мистер Маркс?),— спросил Гартман молоденькую прислугу, когда она отворила выходящую на улицу дверь, после того как сделаны были по ней три удара висячим молотком, заменявшим тогда в Англии звонок.

Она ответила ему, как знакомому, что Маркс еще находится в Британском музее, но дочь его дома.

Почти тотчас же после нашего входа в приемную вышла и она — хорошенькая стройная девушка немецкого типа, напоминавшая мне романтическую Гретхен, или Маргариту, из «Фауста».

Мы начали разговор по-английски. Но, заметив, что я, затруднившись сказать какое-то английское слово, употребил вместо него французское, она сейчас же перешла на французский язык, на котором и продолжались все наши разговоры.

Она повторила, что отец ее ушел в Британский музей и возвратится только вечером. Посидев с нею с полчаса, мы ушли и пришли в условленный час на следующий день.

Я хорошо помню, что первое мое впечатление от Маркса было: как он похож на свой портрет! И после того как мы поздоровались и уселись вокруг небольшого столика, с диваном у стены, я, смеясь, сказал ему это. Он тоже засмеялся и ответил, что это ему часто говорят и что как-то курьезно чувствовать себя человеком, на которого не портрет его похож, а он сам похож на свой портрет.

Он показался мне скорее среднего роста, но довольно широкого сложения и был очень приветлив с нами обоими. Но сразу чувствовалось во всех его движениях и словах, что он вполне понимает свое выдающееся значение. Никакой мрачности или замкнутости, о которой я от кого-то слышал, я в нем совершенно не заметил. Правда, в то время в Лондоне был такой туман, что во всех домах горели лампы, в том числе и у Маркса, и даже — ясно помню — с зеленым абажуром. Но и при этом освещении я хорошо рассмотрел и его, и его кабинет, в котором три стены были уставлены книгами, а на четвертой висели какие-то портреты.

Кроме Элеоноры, никто к нам не выходил, и у меня составилось впечатление, что в то время в этом домике не было других членов семьи Маркса. Элеонора же все время выбегала к нам и, сидя на кушетке, несколько в стороне, принимала участие в разговоре, причем нам принесли по чашке чаю с бисквитами.

Разговор шел главным образом о наших народовольческих делах. Маркс чрезвычайно интересовался ими и говорил, что наша борьба с самодержавием представляется ему, как и всем европейцам, чем-то совершенно сказочным, похожим на фантастические романы.

Когда я дня через два снова зашел к Марксу перед отъездом из Лондона, я снова провел с ним и с его дочерью некоторое время, и при прощании он вручил мне приготовленные для меня пять или шесть книжек. Он обещал мне

написать и предисловие к той, которую мы выберем для печати, как только придем ему первую корректуру нашего перевода.

Узнав, что я через две-три недели возвращаюсь в Россию, он крепко пожал мне руку с пожеланием счастливого возвращения оттуда. Мы оба обещали переписываться друг с другом, но это не осуществилось. Возвратившись в Женеву, я нашел там письмо Перовской, извещавшее меня, что ряд готовящихся событий требует моего быстрого возвращения. Я собрал вещи и поехал, но 28 февраля при переходе границы был арестован под именем студента Женевского университета Локиера и перевезен в Варшавскую цитадель, где узнал о событиях 1 марта¹ посредством стука в стену от сидевшего рядом товарища Тадеуша Балицкого.

Заключенный сначала в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, а потом в Шлиссельбург, я до самого своего выпуска в конце 1905 года не знал, чем окончились мои переговоры с Марксом. Не знал я этого и после, вплоть до 1930 года, когда в присланном мне издании Общества политкаторжан «Литература партии «Народная воля»» я вдруг увидел «Предисловие» Маркса к «Манифесту Коммунистической партии», изданному в основанной при моем участии «Социально-революционной библиотеке». И это навеяло на меня целый ряд воспоминаний.

Я вспомнил свои свидания с Марксом и его дочерью; вспомнил, как, уезжая спешно из Женевы в Россию, я отдал кому-то из оставшихся там сотрудников «Социально-революционной библиотеки» (кажется, Плеханову) его «Манифест» и остальные книжки для перевода на русский язык.

Особенно же отраднo было мне прочесть в только что упомянутом предисловии Маркса такие слова:

¹ 1 марта 1881 г. народовольцами был убит царь Александр II.
Ред.

«Царя провозгласили главою европейской реакции. Теперь ¹ он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, и Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе» ². Это были буквально те слова, которые он сказал мне на прощанье.

¹ То есть в 1881 году. (*Примечание Морозова.*) Предисловие Маркса и Энгельса к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» датировано 21 января 1882 года. *Ред.*

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 3. Ред.*

*Печатается по сборнику
«Воспоминания о Марксе и Энгельсе»,
Госполитиздат, 1956 г.*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>П. АННЕНКОВ.</i> Из очерка «Замечательное десятилетие»	5
<i>Г. ЛОПАТИН.</i> Из письма Н. П. Синельникову 15 февраля 1873 г.	10
<i>М. КОВАЛЕВСКИЙ.</i> Встречи с Марксом	14
<i>Н. МОРОЗОВ.</i> У Карла Маркса	27

ОНИ ВСТРЕЧАЛИСЬ С МАРКСОМ

Воспоминания
русских общественных
деятей

Редактор *А. Смирнова*

Художник *Г. Дейч*
Художественный редактор *Н. Симатиш*
Технический редактор *Н. Трояновская*
Ответственный корректор *Н. Андрианова*

*

Слано в набор 26 февраля 1958 г. Подписано в печать 26 марта 1958 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 1. Условн. печ. л. 1.64. Учетно-изд.
л. 1,38. Тираж 100 тыс. экз. А 01264. Заказ № 3380. Цена 35 коп.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71. Ленинский проспект, 15.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

